

К 165-летию Н.В. Крушевского: жизнь и судьба ученого (18 декабря 1851, Луцк — 12 ноября 1887, Казань)

Время неумолимо отдаляет нас от периода жизни и деятельности ученого, знакомого каждому лингвисту со страниц вузовского учебника. Земной путь Николая Вячеславовича Крушевского был недолог, а частая смена мест проживания, которые сегодня находятся в разных государствах, и отсутствие личного архива привели к тому, что о его жизни известно сравнительно мало.

Н.В. Крушевский — потомок древнего польского рода, предки которого жили на Волини [Дело]. Крушевские — польская дворянская фамилия (“krusz” — др.-польск. ‘комоч соли’) [Słownik 1960, 408], возникшая от названия земельного владения Крушево в ломжинской земле. Владельцы этой местности имели герб *Абданк* (*Габданк*, *Хабданк*, иначе *Бялкотка*, *Ленкава*, *Скарбек*, *Скуба*) [Wojciecki 1908, 358–363]. Генеалогия Крушевских восходит к началу XV в. и отражена в VI части родословной книги губерний Виленской, Волынской, Гродненской, Могилевской и книге дворян Царства Польского [Список 1906, 334]. Глава рода — Вячеслав Крушевский (07.03.1808–05.07.1878) родился в городке Заслав (ныне Изяслав Хмельницкой области) на Волини. За участие в Польском восстании 1831 г. он был осужден и несколько лет провел в заключении. После увольнения с военной службы исполнял обязанности городничего в Остроге, Овруче, Луцке, Ковеле. Умер в Варшаве и как обладатель ордена *Virtuti militari* (лат. ‘военная храбрость’) похоронен с большими почестями на Повонзовском кладбище. Его супруга — Розалия Игнатьевна Ноткен (1833–1899) из купеческого сословия, уроженка Киева, владела родовым имением в селе Солотвин (Соловин) Голобской волости Ковельского уезда Волынской губернии. У них было пятеро детей: сыновья Николай (06 (18).12.1851–31.10(12.11).1887), Викентий-Илья (27.10.1854–02.02.1937), Климентий, (23.11.1858–27.04.1945), Александр-Альберт (1859–?) и дочь Мария (08.12.1868–08.10.1939). Старший сын, будущий выдающийся языковед, родился в Луцке и был крещен 11 февраля 1852 г. в Луцком кафедральном римско-католическом костеле свв. Петра и Павла. Имя первенцу было выбрано из церковного календаря неслучайно: согласно Галицко-Волынской летописи, с XII в. св. Николай считался покровителем Луцка.

Николай Крушевский был хорошо знаком с историей города, поскольку в 1862 г. поступил в первый класс Луцкого дворянского уездного училища, находившегося рядом с замком Любарта — сына литовского князя Гедимина, князя Галицко-Волынского княжества Любарта Гедиминовича (1300?–ок. 1385), принявшего православную веру. В 1320 г. Луцк вошел в состав ВКЛ, а пришедший на смену Любарту Витовт (ок. 1350–27.10.1430) сделал Луцк южной столицей. После смерти Витовта он перешел к его двоюродному брату, приверженцу полной независимости Литвы Свидригайле (ок. 1370–02.10.1452), после смерти которого Волынское княжество стало провинцией ВКЛ.

Известно, что существует связь личности с местом ее проживания. Эта связь “загадочна, но очевидна. [...] Ведает ею известный древним *genius loci*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Для человека нового времени главные точки приложения и проявления культурных сил — города. Их облик определяется гением места, и представление об этом — сугубо субъективно” [Вайль 2008, 9]. Можно предполагать, что город рождения в чем-то определил дальнейшую судьбу ученого. Несомненно, на него оказала воздействие атмосфера многоязычия, царившая в родительском доме: отец Крушевского — поляк, мать — немка. В семье говорили на трех языках: польском, немецком и русском, что послужило основой языковой подготовки будущего лингвиста.

В 1865 г. Николай Крушевский, выполнив программу трех классов училища с давними традициями (русский язык здесь преподавали деятели украинской культуры Пилип Морачевский и Пантелеймон Кулиш), продолжил обучение в Холмской греко-католической гимназии. После окончания гимназии с серебряной медалью, сдав экзамены по латинскому, греческому, русскому языкам, общей и российской истории, он вместе с товарищем по гимназии Антоном Кордасевичем поступил на историко-филологический факультет Варшавского университета. На первый курс в 1871 г. было зачислено лишь 20 студентов, не все они окончили университет. Николай Крушевский был одним из лучших студентов на факультете и как малообеспеченный получал стипендию.

Записавшийся на историческое отделение Н. Крушевский мало занимался историей, изучая главным образом философию. Произошло это под влиянием представителя эмпирической философии М.М. Троицкого (01(13).08.1835–22.03.1899), вводившего в научный обиход в России идеи Фрэнсиса Бэкона (1561–1626), Джона Локка (1632–1704), Дэвида Гартли (1705–1757), Дэвида Юма (1711–1776), Джона-Стюарта Милля (1806–1873), Александра Бэна (1818–1903). М.М. Троицкий был не только талантливым ученым, но и интересным лектором. Один из студентов, учившийся на курсе младше Николая Крушевского, оставил воспоминания о преподавателе древней философии, психологии и логики: “Когда Троицкий читал свои лекции, то было истинным наслаждением не только слушать, но и смотреть на него, вы почти видели, как у него возникали в голове мысли, которые он старался в изящной и понятной форме сейчас же изложить своим слушателям. Про него можно сказать, что он разжевывал

науку и вкладывал ее в головы студентов. К этому следует прибавить чарующую улыбку, которая при удачном выводе или обобщении появлялась на лице профессора, и некоторые его жесты, вполне гармонизировавшие с его речью. Сравнения его бывали очень поэтичны, речь пластическая и во всяком слове проглядывало глубокое знание” [Тур 1912, 409–410].

О влиянии М.М. Троицкого на Н. Крушевского писал Бодуэн де Куртэнэ, основываясь на рассказах своего будущего ученика, который в студенческие годы “главным образом работал над философией, слушая прилежно лекции по философии и самостоятельно изучал английских философов. Себя самого он считал учеником профессора Троицкого, от которого получил очень много полезного и которому обязан точным методом исследования. Огромное значение имело изучение основных логических и психологических трудов английских философов, конспектирование этих трудов, переработка их и т.д. Это была превосходная школа мышления, побуждавшая к точной формулировке своих мыслей, а также к удачному обобщению деталей” [Бодуэн де Куртэнэ 1963, 146–147].

На становление ученого оказал большое влияние также преподаватель кафедры римской словесности И.В. Цветаев (04(16).05.1847—30.08(12.09).1913), будущий основатель Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве, отец русской поэтессы Марины Цветаевой. Их знакомство состоялось на втором курсе, затем продолжилось в переписке и дружеских личных контактах. Теплые отношения между ними не прервались даже после отъезда И.В. Цветаева в апреле 1874 г. в Италию. Сохранилось 12 писем Крушевского к Цветаеву, хранящиеся ныне в архиве ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве [Пахолок 1999]. И.В. Цветаев высоко ценил Н.В. Крушевского, что подтверждается его письмом 1881 г. к профессору Киевского университета В.С. Иконникову (9(21).12.1841—26.09.1923): “Говоря по-товарищески, я не обинуясь скажу Вам, добрейший Владимир Степанович, что за время моей студенческой и преподавательской жизни не видел человека столь энергичного и твердого в раз принятых намерениях. Он всегда возбуждал тем большее удивление, что работать ему приходилось при неблагоприятных условиях. Студентом он нередко и подолгу прихварывал, после, с женитьбой, он редкий месяц не призывал по несколько раз доктора как для жены, так и для детей. Кроме ученых достоинств, меня всегда привлекали и нравственные свойства этого Поляка... Чуждый неизбежной слащавости и какой-то приниженности, он всегда держался просто и резко отличался от других рациональным взглядом на вещи” [там же, 177–178].

Н.В. Крушевский, “кроме философии, очень живо интересовался языкознанием, или лингвистикой, главным образом в применении к славянским языкам. Единственным ученым лингвистом в Варшавском университете был тогда профессор Колосов. Поэтому Крушевский старался пользоваться его лекциями, а также личным общением с ним” [Бодуэн де Куртэнэ 1963, 147]. Предмет научных интересов М.А. Колосова (1839–1881) составляли старославянский язык, древнерусский язык и литература, устное народное творчество и поэтическое искусство славян.

Актуальным направлением в середине XIX в. стало изучение вопросов, связанных с практической магией. В то время появились первые сборники заговоров, была опубликована фундаментальная работа И.П. Сахарова “Сказания русского народа” (1836–1838). К проблеме происхождения, сущности, морфологической структуры заговоров обращались представители разных школ. Мифологи Ф.И. Буслаев (1818–1897), А.Н. Афанасьев (1826–1871), П.С. Ефименко (1835–1908) и др. видели в них молитвы, обращенные к древним языческим божествам; О.Ф. Миллер (1833–1889) относил заговоры к более древнему мифологическому периоду и выводил молитвы из заговоров.

Для выпускной работы Николая Крушевского М.А. Колосов предложил тему из сферы своих научных интересов, со всей определенностью обозначенных во вступительной лекции 1870–1871 учебного года: “Ясно, что если бы можно было во всех словах, которые с течением времени стали только значками понятий, восстановить первоначальный смысл корня, для нас сделалось бы понятным мировоззрение первобытного человека. Это мировоззрение, заключенное в языке, для каждого народа свое особенное” [Колосов 1871, 244]. Под его руководством Н. Крушевский освоил тонкости лингвистического анализа фольклорных текстов, написав выпускное сочинение “Заговоры как вид русской народной поэзии”. Позже, в письме к И.В. Цветаеву от 27 июля 1875 г., он вспоминал: “Работая над кандидатской диссертацией, я познакомился с русской народной поэзией и вообще с народным эпосом и с ним связанной лингвистикой. Психологией и лингвистикой я стал заниматься все более, думал со временем держать магистерский экзамен” [Пахолок 1999, 163].

Молодой ученый, рассматривая структуру и содержание любовных присушек, определил понятие “заговор”, отнеся истоки этого явления к психологической природе человека. Исследование Н. Крушевского было непосредственным переходом к изучению заговоров с позиций, близких психологическому направлению. Он использовал в своем сочинении труды исследователей, занимавшихся ранней стадией человечества, и в этом проявилось влияние М. М. Троицкого. Н. Крушевский выделил такие важные признаки заговора, как вера в возможность навязать свою волю и вера в силу слова, обосновал противопоставление заговора молитве, определив заговор как выраженное словами пожелание, которое может сопровождаться обрядовыми действиями. Недостаточность корпуса текстов он пытался восполнить за счет собственных записей: на Волыни он записал поверья, три из которых использовал в работе.

Научный руководитель положительно оценил работу своего студента. 9 июня 1875 г. М.А. Колосов писал в совет историко-филологического факультета: “Сочинение Крушевского «Заговоры» имеет своим предметом тот вид народно-поэтических произведений, который всего меньше подвергался научной разработке. Это обстоятельство и — с другой стороны — то, что при выполнении своей работы автор должен был стать на зыбкую почву сравнительной мифологии, лишает многие из сделанных им выводов научной прочности, дает

возможность во многом не согласиться с ним. Тем не менее [...], сочинение это заслуживает вполне внимания и одобрения факультета. Оно рекомендует автора как человека способного и мыслить, и трудиться” [Колосов 1875, 107–107 об.]. Студенческая работа Крушевского была отмечена и другими преподавателями, представлена к денежной награде и к печатанию, о чем сообщал ректор Варшавского университета профессор Н.М. Благовещенский (1821–1892) в торжественном докладе 30 августа 1875 г. [Благовещенский 1875, 18].

Высокая оценка И. А. Бодуэном де Куртенэ работы молодого ученого является своеобразным лингвистическим пророчеством: “Уже здесь видна точность его мышления и основательное философское образование. Свою тему автор рассматривает с позиций теории развития. Он совсем не признает существенной разницы между так называемым первобытным и народным мышлением и интеллектом современного цивилизованного человека; наоборот, интеллект всего человеческого рода он считает однородным, цельным, допуская только разные степени его критичности” [Бодуэн де Куртенэ 1963, 155].

Диссертационное сочинение Н. Крушевский назвал “Заговоры”. Однако слово *заговор* в русском языке полисемично. “Словарь русского языка XI–XVII вв.” зафиксировал употребление данного слова в таких значениях: 1) община, совокупность родственников, близких людей или единомышленников; 2) тайный сговор нескольких лиц; 3) решение схода, приговор; 4) слух, молва; 5) заклинание, колдовство [Словарь 1978, 168–169]. К XIX в. это слово сузило свое значение и стало использоваться лишь в двух значениях: 1) чародейство, нашептывание; 2) тайное согласие многих действовать против власти; крамола, приготовление к мятежу” [Даль 1989, 569]. Редакция “Варшавских университетских известий”, в которой было решено опубликовать труд ученого, во избежание недоразумений опубликовала работу под названием “Заговоры как вид русской народной поэзии” [Крушевский 1876]. Пояснение, по мнению Бодуэна де Куртенэ, оказалось не совсем удачным, “потому что Крушевский производит анализ русских заговоров и заклятий не столько в поэтическом, сколько в мифопсихологическом аспекте” [Бодуэн де Куртенэ 1963, 155].

После окончания университета в 1875 г. Н. Крушевский был рекомендован в аспирантуру, но женитьба вынудила его начать работать. Молодая жена Крушевского, Юлия Александровна Ханкевич (22.05.1846– 19.04.1928), была хорошо образована, знала греческий язык, помогала мужу в научной работе, любила французскую и польскую литературу, переписывалась с Элизой Ожешко, подарившей ей свою фотографию с надписью: “Пани Юлии Крушевской с выражением уважения. Элиза Ожешко. 1894 г.” [Akta personalne].

Молодая супружеская пара уехала в далекий Троицк Оренбургской губернии (ныне Челябинская область), где по рекомендации ректора Варшавского университета Н.В. Крушевский занял место учителя древних языков и классного наставника в классической гимназии. Он решил посвятить себя науке, хотя в то время карьера ученого не была популярной. Представитель дворянского рода

мог заниматься военным делом, государственной службой или быть учителем. По дороге к месту назначения Н.В. Крушевский заехал в Казань с намерением получить профессорскую стипендию при университете, но безуспешно. Тем не менее, здесь он познакомился с И.А. Бодуэном де Куртенэ, ставшим для него добрым советчиком и научным консультантом. Знакомство продолжилось в переписке, длившейся три года (к сожалению, ее пока не удалось обнаружить).

Вынужденный зарабатывать в Троицке на будущие научные изыскания преподаванием греческого языка и латыни, Н.В. Крушевский в то же время занимался изучением сравнительно-исторического языкознания, древнеперсидского, древнебактрийского и литовского языков, совершенствовался в древнегреческом, в основном по “Компендиуму” и “Хрестоматии” А. Шлейхера [Черепанов 1968, 102], а также переводил на русский язык гимны “Ригведы”. Интерес к этому памятнику индийской литературы и культуры проявился уже в первом научном исследовании Н.В. Крушевского, в котором ученый, анализируя сознание первобытного человека, находит подтверждение своим размышлениям в древних текстах, в том числе и “Ригведе”.

В 1878 г. Н.В. Крушевский вместе с семьей переезжает в Казань и становится профессорским внештатным стипендиатом Казанского университета, слушает лекции по сравнительной грамматике и принимает участие в практических занятиях по славянской диалектологии у И.А. Бодуэна де Куртенэ, переводит санскритские и литовские тексты, конспектирует важнейшие лингвистические труды, в том числе И.В. Ягича (1838–1923), К. Бругмана (1849–1919), Г. Мейера (1850–1900), Г. Штейнтала (1823–1899), В. Шерера (1841–1886), Г. Пауля (1846–1921) и др. [Рукописи Н.В. Крушевского], а также собирает и обрабатывает материал для магистерской диссертации. Здесь он начал преподавать общее языкознание, сравнительную фонетику и грамматику индоевропейских языков, санскрит, а также курсы по разным разделам языкознания: физиологию звуков речи, русскую грамматику, романские языки, историю французского языка, лингвистическую палеонтологию [Крушевский 1882; 1894].

Своими казанскими впечатлениями Н.В. Крушевский делился с И.В. Цветаевым в письме 17 февраля 1879 г.: “Лучшего руководителя, чем Бодуэн, я не мог найти. Читает он о русском спряжении. Но гораздо больше у него можно научиться на разнообразных практических упражнениях. Голова его в придумывании различных упражнений просто неисощима. В особенности много пользы приносит фонетический перевод с одного родственного языка на другой. Кроме того, упражняемся вообще в славянской диалектологии, читаем рефераты о новейших книгах по сравнит/ельному/ языкознанию, читаем Веды, Nitopadec’ы” [Пахолок 1999, 165–166].

В Казани была опубликована вторая научная работа Н.В. Крушевского — перевод с санскрита первого известного памятника древнеиндийской литературы “Ригведы”, представляющего собой собрание религиозных гимнов арийских племен в эпоху их переселения в Индию [Крушевский 1879а]. “Ригведа”

в то время только начала изучаться в России: первый перевод одного из ее гимнов — “Гимн утренней заре” — принадлежит известному языковеду-полиглоту, переводчику и педагогу К.А. Коссовичу (1854) [Берг 1854, 9–12]. Обращение Н.В. Крушевского к этому памятнику объясняется тем, что в конце XIX в. индология существовала прежде всего в рамках общего и сравнительного языкознания. И.А. Бодуэн де Куртенэ, уведомляя 17 декабря 1878 г. историко-филологический факультет Казанского университета о выполненной Н. Крушевским полугодовой работе — переводе восьми гимнов Ригведы, писал: “Перевод этот есть плод весьма тщательного и всестороннего изучения названных гимнов, причем г. Крушевский проверял каждое слово по имеющимся у него под рукою пособиям, словарям, комментариям, переводам, совершенным другими, и т.д. и выбирал всегда самое подходящее толкование. Места сомнительные или непонятные отмечены в переводе” [Бодуэн де Куртенэ 1878, 2]. Спустя много лет он повторил свое мнение: “Это старательный и добросовестный перевод на русский язык ведических гимнов, которые Крушевский самостоятельно изучал еще в Троицке. Сам перевод был окончательно отредактирован и исправлен в Казани” [Бодуэн де Куртенэ 1963, 156].

По инициативе Н.В. Крушевского, молодые ученые Казанского университета — В.А. Богородицкий (1857–1941), С.К. Булич (1859–1921), А.И. Александров (1861–1918), А.С. Архангельский (1854–1926), а также В.В. Радлов (1837–1918) — собирались субботними вечерами на квартире у И.А. Бодуэна де Куртенэ на заседания лингвистического кружка, где заслушивались сообщения о последних новинках в лингвистике — трудах К. Бругмана, Ч. Остгофа (1847–1909), Ф. де Соссюра (1857–1913), обсуждались результаты собственной научной деятельности. Пояснения к выступлениям писались на классной доске, стоявшей в комнате. На заседаниях царил горячий интерес к актуальным проблемам общего языкознания, здесь родилось новое научное направление — Казанская лингвистическая школа.

Н.В. Крушевский много внимания уделял литовскому языку. В Казани он переводит текст одной из сказок сборника А. Шлейхера (1821–1868) с литовского на украинский говор деревни Солотвино [Черепанов 1968, 103]. Интерес к литовскому языку ему был привит Бодуэном де Куртенэ.

Влияние Бодуэна де Куртенэ на Н.В. Крушевского сказалось не только в непосредственном общении в стенах университета и вне его. Бодуэн советовал, наставлял, подсказывал, делился своими научными контактами. По его инициативе Н.В. Крушевский в 1879–1884 гг. переписывается с известным польским лингвистом, этнографом и фольклористом Яном Карловичем (1836–1903), консультируясь по вопросам этимологии. Эта переписка отражает официальные отношения людей, которые никогда не были знакомы лично. “С большой радостью я узнал от г. Свентоховского, — пишет Н.В. Крушевский в письме к польскому ученому, — что Вы ему пообещали рецензию на мою книжку [“Очерк

науки о языке” — 3. П.]. Это для меня неожиданная честь. Эта книжка, хотя она необработана и написана весьма спешно, стоила мне много работы и раздумий” [Пахолок 2000, 227]. В Библиотеке им. Врублевских Академии наук Литвы хранятся автографы Н.В. Крушевского на книгах, присланных Я. Карловичу.

Творческая научная атмосфера, созданная Бодуэном де Куртенэ в Казани, способствовала тому, что Н.В. Крушевский за год написал работу “Наблюдения над некоторыми фонетическими явлениями, связанными с акцентуацией” [Крушевский 1879б, 93–104], получив кандидатское звание. В 1881 г. за диссертацию “К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма” [Крушевский 1881, 109] — звание магистра, в 1883 г. за диссертацию “Очерк науки о языке” [Крушевский 1883, 148] — звание доктора.

Несмотря на слабое здоровье, ученый много и плодотворно работал. Однако неблагоприятный для Н.В. Крушевского и его семьи климат Казани заставил его искать место работы в Киеве, о чем он писал в письме к И.В. Цветаеву 5 мая 1881 г.: “Надумал я обратиться к Вам со следующей покорнейшей просьбой. Нет ли у Вас в Киевском совете таких приятелей, которым Вы бы меня могли рекомендовать, в случае если бы я, получив степень магистра [диспут будет 17 мая], стал искать доцентуры в Киеве? Я и моя семья столько уже вынесли от здешнего климата и так тянет ближе к родине, что перейти в Киев — верх моих мечтаний. Позволительно ли мне мечтать об этом в виду /предполагаемой/ полонофобии киевских профессоров?” [Пахолок, Несторук 2012, 78–79]. Н.В. Крушевский был поляком, и хотя он не принимал участия в событиях 1863 г., ему не разрешалось служить в больших городах Российской империи. В письме к И.В. Цветаеву профессор Киевского университета В.С. Иконников 6 июня–июля 1881 г. писал: “И другой Ваш кандидат /Крушевский/ прислал сочинения: но факульт/етских/ заседаний уже нет. Есть еще вопрос, ответьте нам: католик ли он или нет? Если да, то и подымать вопроса о нем нельзя, ибо в Киеве католикам из Ц/арства/ Польского служить нельзя” [там же, 79].

Научное наследие Н.В. Крушевского создавалось в основном на протяжении восьми лет — с 1878 по 1886 гг. Оно сравнительно невелико по объему, но значительно по идеям и глубине проникновения в суть исследуемого материала. По способу мышления Н.В. Крушевский тяготел не к фактографии, а к концептуализации. Заслугой лингвиста было стремление раскрыть закономерности функционирования и развития языка, расширить сферу применения сравнительно-исторического метода, разработать вопросы физиологии звуков речи, обобщить данные о регулярных фонетических чередованиях, что легло в основу учения о фонеме, решить проблему исторического изменения морфологического состава слова.

Из-за тяжелого недуга Н.В. Крушевский в 1886 г. преждевременно вышел в отставку, а 31 октября (12 ноября) 1887 г. он умер. Он был похоронен в Казани на католическом кладбище на Арском поле. Могила до наших дней не сохранилась.

Интерес в современной лингвистике к трудам ученого оживился в связи с их частичным переизданием [Крушевский 1998], [Крушевський 2004], а также благодаря переводам на польский [Kruszewski 1967], английский [Kruszewski 1995], украинский [Крушевський 2002] языки основных трудов ученого.

Н.В. Крушевский оставил после себя четверых детей. Три его дочери (Вячеслава, 10.06.1878–23.06.1958; Станислава, 05.06.1879–18.11.1944; Юстина, 02.12.1885–18.12.1944) и внучка Янина (17.05.1905–14.04.1974) посвятили себя полонистике. Старшая дочь Вячеслава Валицкая и внучка Веслава Валицкая-Войчинская (16.02.1901–25.05.1975) были связаны с Литвой. Вячеслава Валицкая, закончив в 1912 г. отделение истории, польского языка и литературы в Ягеллонском университете, нелегально перешла границу и переехала в Вильнюс, чтобы преподавать польскую литературу как дополнительный предмет для поляков в русских гимназиях. Три года Вячеслава работала в частной гимназии М.Н. Виноградовой. В 1915–1931 гг. она преподавала в вильнюсской польской гимназии им. Элизы Ожешко, закончив в 1925 г. Виленский университет с правом преподавать историю в средних и общеобразовательных школах и учительских семинарах [Буła 1987, 138]. Выйдя на пенсию в 1931 г., она работала как лектор в виленских тюрьмах и писала статьи на дидактические темы в местные периодические издания, а в 1940–1945 гг. преподавала польский язык и литературу на курсах, которые сама организовала.

Внучка Н.В. Крушевского Веслава Валицкая вместе с матерью в 1912 г. приехала в Вильно, где училась сначала в русской гимназии, а с 1915 г. — в гимназии им. Элизы Ожешко. В 1920 г. она с отличием окончила гимназию (ее имя было высечено на мраморной доске в актовом зале), в том же году стала студенткой гуманитарного отделения университета Стефана Батория, в 1928 г., получив диплом доктора философии и учителя философии и истории в средней школе [Пахолок, Несторук 2012, 40], начала работать ассистентом на кафедре философии Виленского университета. 16 июля 1933 г. В. Войчинская навсегда переезжает в Ляски, где вначале работает учительницей истории и литературы в школе для слепых, а 6 января 1936 г. принимает постриг в монахини. В 1948–1962 гг. она была настоятельницей монастыря в Лясках.

Так продолжатели рода Н.В. Крушевского вносили свой вклад в историю, культуру, просвещение Польши и Литвы, по-своему продолжая дело своего отца и деда — талантливого лингвиста с широким культурно-историческим кругозором, одного из активнейших представителей Казанской лингвистической школы, развивавшего идеи общего и сравнительно-исторического языкознания.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Бодуэн де Куртенэ И.А., 1878: В историко-филологический факультет Императорского Казанского университета, in *Национальный архив Республики Татарстан*, ф. 977, оп. ист.-фил., № 1104, л. 2.

- Дело = Дело о дворянском происхождении Крушевских: Державний архів Житомирської області, ф. 146, оп. 3189, арк. 1.
- Колосов М.А., 1875: *CesarSKI Uniwersytet w Warszawie*, in *Archiwum Państwowe m. st. Warszawy*, Sygn. 385. S. 107–107 zvor.
- Рукописи Н.В. Крушевского: Фонд Богородицкого в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, ф. 898, разряд IV, оп. 62.
- Akta personalne = Akta personalne s. Benedykty: *Archiwum Sióstr Franciszkanek Służebnic Krzyża*.

ЛИТЕРАТУРА

- Берг Н. (сост.) 1854: *Песни разных народов*. Москва, 9–12.
- Благовещенский Н.М., 1875: Отчет о состоянии императорского Варшавского университета за истекший 1874–1875 академический год, in *Годичный акт Императорского Варшавского университета, 30-го августа 1875 года*. Варшава, 1–18.
- Бодуэн де Куртенэ И.А., 1963: Николай Крушевский, его жизнь и научные труды, in *Избранные труды по общему языкознанию*: в 2-х т. Т. 1. Москва, 146–202 (= Mikołaj Kruszewski, jego życie i prace naukowe, *Prace Filologiczne*, т. II, zeszyt 3, 1988, 837–849; т. III, zeszyt 1, 1889, 116–75; przedruk w: J. Baudouin de Courtenay, *Szkice językoznawcze*. Т. 1, Warszawa 1904, 96–175; Jan Niecisław Baudouin de Courtenay, *Dzieła wybrane*. Т. I. Warszawa 1974, 248–327).
- Вайль П., 2008: *Гений места*. Москва.
- Даль В.И., 1989: *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 т. Т. 1. Москва.
- Колосов М.А., 1871: Вступительная лекция, *Варшавские университетские известия*, 4. 241–245.
- Крушевский Н.В., 1876: Заговоры как вид русской народной поэзии, *Варшавские университетские известия*, № 3. 3–69 (= Крушевский Н.В. *Избранные статьи и работы по языкознанию*. Сост. Ф. М. Березин. М., 1998. 25–47).
- Крушевский Н.В., 1879а: Восемь гимнов Ригведы, *Известия и ученые записки Императорского Казанского университета*, т. 46. 105–114.
- Крушевский Н.В., 1879б: Наблюдения над некоторыми фонетическими явлениями, связанными с акцентуацией, *Известия и ученые записки императорского Казанского университета*, т. 46. Казань, 93–104.
- Крушевский Н.В., 1881: К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма, *Русский филологический вестник*, 5. Варшава, 1–109.
- Крушевский Н.В., 1882: Отчет о занятиях сравнительным языкознанием за время от 15 декабря 1878 г. по 1 октября 1879 г., *Известия и ученые записки императорского Казанского университета*, 1–2. 31–35.
- Крушевский Н.В., 1883: Очерк науки о языке, *Известия и ученые записки императорского Казанского университета*, т. 19. 1–148.
- Крушевский Н.В., 1894: Предмет, деление и метод науки о языке. Вступительная лекция, читанная Н.В. Крушевским 15 января 1880 г., *Русский филологический вестник*, т. 31. 84–90.

- Крушевский Н.В., 1998: *Избранные работы по языкознанию*. Москва.
- Крушевський М., 2002: *Замовляння як вид російської народної поезії*. Луцьк.
- Крушевський М., 2004: *Вісім гімнів Рігведи*. Луцьк.
- Пахолок З.А., 1999: Плоды забвения, или Кто зажжет свечу?: (Письма Н.В. Крушевского И.В. Цветаеву), *Русский исторический вестник*, 2. 159–182.
- Пахолок З.А., 2000: Письма Николая Крушевского к Яну Карловичу, *Русский исторический вестник*, 3. 221–232.
- Пахолок З.А., 2003: Роль И.А. Бодуэна де Куртенэ в становлении и развитии научного таланта Н.В. Крушевского, *Slavica Tartuensis*, т. 5: *200 лет русско-славянской филологии в Тарту*. 101–111.
- Пахолок З.О., Несторук І.М., 2012: *Миколай Крушевський і Волинь*. Луцьк.
- Словарь, 1978 = *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 5. Москва.
- Список, 1906 = *Список дворян Волинской губернии*. Житомир.
- Тур К.Н., 1912: Студенческие годы: воспоминания о Варшавском университете, *Русская старина*, 409–410.
- Черепанов М.В., 1968: Опыт научной биографии Н.В. Крушевского, in *Некоторые вопросы теории и методики преподавания русского и иностранного языков*. Саратов, 99–113.
- Była 1987 = *Była taka szkoła. Gimnazjum im. Elizy Orzeszkowej w Wilnie 1915–1939*. Londyn.
- Boniecki A., 1908: *Herbarz Polski*. T. 12. Warszawa, 358–363.
- Kruszewski M., 1967: *Wybór pism*. Wrocław, Warszawa, Kraków.
- Kruszewski M., 1995: *Writings in General Linguistics*. Amsterdam.
- Słownik, 1960 = *Słownik staropolski*, т. 3. Wrocław–Kraków–Warszawa.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Berg N. (sost.) 1854: *Pesni raznyh narodov*. Moskva, 9–12.
- Blagoveshhenskij N.M., 1875: Otchet o sostojanii imperatorskogo Varshavskogo universiteta za istekshij 1874–1875 akademicheskij god, in *Godichnyj akt Imperatorskogo Varshavskogo universiteta, 30-go avgusta 1875 goda*. Varshava, 1–18.
- Boduen de Kurtenje I.A., 1963: Nikolaj Krushevskij, ego zhizn' i nauchnye trudy, in *Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju*: v 2-h t. T.1. Moskva, 146–202 (= Mikołaj Kruszewski, jego życie i prace naukowe, *Prace Filologiczne*, t. II, zeszyt 3, 1988, 837–849; t. III, zeszyt 1, 1889, 116–75; przedruk w: J. Baudouin de Courtenay, *Szkice językoznawcze*. T. 1, Warszawa 1904, 96–175; Jan Nieciśław Baudouin de Courtenay, *Dzieła wybrane*. T. I. Warszawa 1974, 248–327).
- Boniecki A., 1908: *Herbarz Polski*. T. 12. Warszawa, 358–363.
- Była 1987 = *Była taka szkoła. Gimnazjum im. Elizy Orzeszkowej w Wilnie 1915–1939*. Londyn.
- Cherepanov M.V., 1968: Opyt nauchnoj biografii N.V. Krushevskogo, in *Nekotorye voprosy teorii i metodiki prepodavaniya russkogo i inostrannogo jazykov*. Saratov, 99–113.
- Dal' V.I., 1989: *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka*: V 4 t. T. 1. Moskva.

- Kolosov M.A., 1871: Vstupitel'naja lekcija, *Varshavskie universitetskie izvestija*, 4. 241–245.
- Krushevs'kij M., 2002: *Zamovljannja jak vid rosijs'koï narodnoi poezii*. Luc'k.
- Krushevs'kij M., 2004: *Visim gimniv Rigvedi*. Luc'k.
- Krushevskij N.V., 1876: Zagovory kak vid russkoj narodnoj poezii, *Varshavskie universitetskie izvestija*, № 3. 3–69 (= Krushevskij N.V. *Izbrannye stat'i i raboty po jazykoznaniju*. Sost. F. M. Berezin. M., 1998. 25–47).
- Krushevskij N.V., 1879a: Vosem' gimnov Rigvedy, *Izvestija i uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta*, t. 46. 105–114.
- Krushevskij N.V., 1879b: Nabljudenija nad nekotorymi foneticheskimi javlenijami, svjazannymi s akcentuaciej, *Izvestija i uchenye zapiski imperatorskogo Kazanskogo universiteta*, t. 46. Kazan', 93–104.
- Krushevskij N.V., 1881: K voprosu o gune. Issledovanie v oblasti staroslavjanskogo vokalizma, *Russkij filologicheskij vestnik*, 5. Varshava, 1–109.
- Krushevskij N.V., 1882: Otchet o zanjatijah sravnitel'nym jazykoznanijem za vremja ot 15 dekabnja 1878 g. po 1 oktjabnja 1879 g., *Izvestija i uchenye zapiski imperatorskogo Kazanskogo universiteta*, 1–2. 31–35.
- Krushevskij N.V., 1883: Oчерk nauki o jazyke, *Izvestija i uchenye zapiski imperatorskogo Kazanskogo universiteta*, t. 19. 1–148.
- Krushevskij N.V., 1894: Predmet, delenie i metod nauki o jazyke. Vstupitel'naja lekcija, chitannaja N.V. Krushevskim 15 janvarja 1880 g., *Russkij filologicheskij vestnik*, t. 31. 84–90.
- Krushevskij N.V., 1998: *Izbrannye raboty po jazykoznaniju*. Moskva.
- Kruszewski M., 1995: *Writings in General Linguistics*. Amsterdam.
- Kruszewski M., 1967: *Wybór pism*. Wrocław, Warszawa, Kraków.
- Paholok Z.A., 1999: Plody zabvenija, ili Kto zazhzhjet svechu?: (Pis'ma N. V. Krushevskogo I.V. Cvetaevu), *Russkij istoricheskij vestnik*, 2. 159–182.
- Paholok Z.A., 2000: Pis'ma Nikolaja Krushevskogo k Janu Karlovichu, *Russkij istoricheskij vestnik*, 3. 221–232.
- Paholok Z.A., 2003: Rol' I.A. Bodujena de Kurtenje v stanovlenii i razvitii nauchno-galanta N.V. Krushevskogo, *Slavica Tartuensia*, t. 5: 200 let rusko-slavjanskoj filologii v Tartu. 101–111.
- Paholok Z.O., Nestoruk I.M., 2012: *Mikolaj Krushevs'kij i Volin'*. Luc'k.
- Slovar', 1978 = *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.*, vyp. 5. Moskva.
- Słownik, 1960 = *Słownik staropolski*, t. 3. Wrocław-Kraków-Warszawa.
- Spisok, 1906 = *Spisok dvorjan Volynskoj gubernii*. Zhitomir.
- Tur K.N., 1912: Studencheskie gody: vospominanija o Varshavskom universitete, *Russkaja starina*, 409–410.
- Vajl' P., 2008: *Genij mesta*. Moskva.

Зинаида А. Пахолок

Луцкий институт развития человека
 Университета "Украина" (Луцк, Украина)
 Сентябрь 2016 г.

E-mail: paholok @ukr.net